

Я аккуратно перешагивал через лужи, неся сына на сгибе руки по улице района с частными застройками. Двухлетний живчик активно крутился, рассматривая все вокруг. Дочку я так же, как и сына, забрал из детсада, — это моя обязанность. Олеся работала допоздна и просто не успевала. Такой у нее график работы. Дочка Анечка бежала впереди, только юбочка мелькала. Четырехлетняя дочурка, перепрыгивая через лужи, неслась к нашему дому, что был виден вдали. Сам я шел в сильной задумчивости. И на то были причины. Хм, «Волга» Олеси стоит у дома. Странно, ей еще два часа на работе положено быть — в связи с чем это она рано так приехала?

Прежде чем коснусь причин моей задумчивости, опишу кратко, что со мной произошло.

Мне семнадцать лет, в феврале семидесятого исполнилось, а на данный момент было шестое сентября. Через полгода исполнится восемнадцать. Мы два дня как вернулись из нашей привычной поездки на юга. Кстати, дачу или еще что-нибудь подобное я не покупал, это привяжет нас к месту, а нам нравилось путешествовать по побережью. Дикий отдых. От Одессы до Грузии — все это мы объезжали на «Волге», что я подарил Олесе два года назад. Она после «Москвича» быстро освоила новенькую машину без пробега и активно ее эксплуатировала.

Машина была двухцветной, красный низ и белый верх. ГАЗ-21, с оленем на капоте.

В принципе, и рассказывать больше нечего. С директором детдома у меня идет тихая война. Не простил, что я отказался выдавать новые песни. Трех хватит, как я посчитал. И так неплохо детдом подкормил. А как паспорт получил, то четыре штуки зарегистрировал, на мой счет стали приходиться авторские. Открыл в сберкассе счет. Директор не простил, якобы я их ограбил. Где логика? Это мои песни — детдом тут причем? Какая-то извращенная логика. Также тот был недоволен тем, что я каждое лето уезжал на юг, наплевав на его разрешение. Сбежал на море, если проще. С Олесей ездили. Что еще? В шестнадцать я закончил школу. Десять классов... Но учиться дальше и не подумал, как ни уговаривали настойчиво, три месяца отстажировался у часового мастера и стал работать часовщиком в ближайшем Доме быта. Часовщика там не было, хотя должность вакантна. Детдом я не покидал, как получил паспорт, так и жил там. Только Олесю навещал. Директор о ней знал. Да уже все знали, дети... язык за зубами держать не умеют. Аня всем растрепала, что я ее отец, ей три годика было, так что мы продали прошлый дом, — а то там соседи задавать неудобные вопросы стали, нехорошо поглядывая на Олесю, — и купили дом в другом районе Москвы. Даже лучше и больше, чем был раньше. Кирпичный, с канализацией, водопроводом и газом. Кирпичный гараж, куда машину Ольга ставит. Тут пока неплохо, соседям говорили, что я сожитель Олеси, и возраст прибавляли, дескать, мне двадцать лет. Вполне тянул на него. Пока проходило, соседи особо не возмущались и не сплетничали.

Что еще?.. Спецслужбы мной интересовались после окончания школы. Когда экзамены прошли, вызвали к директору школы, и там меня ждал этот представитель. Склоняли к службе, работе на государство, но я все отклонял. А на слова послужить Родине сказал, что долг так и так планировал отдать, срочником в ВС. Думаете, отстали? Вербовщик был недоволен, и это слабо сказано. Обещал мне проблемы по жизни. Мурыжили полгода, даже уволили из часовщиков в конце весны этого года. Заведующая Дома быта, пряча глаза, велела написать заявление по собственному желанию. Написал и забрал трудовую книжку. Также мне отказали в регистрации новых песни и музыки, а у меня уже два десятка было, известные певцы и певицы исполняли. И тут нажали на новые рычаги, сволочи. Я пожал плечами, ну, нет, так нет, и забрал бумаги с нотами и заявлением. С тех пор я нигде не работал, и мы уехали на два месяца на юг.

Вот вернулись, я снова в детдоме пока жил, имелись причины для этого. Что еще? О, государственный переворот, что прошел пять лет назад, в шестьдесят пятом. Этот год еще отложился в моей памяти тем, что в двенадцать, чуть раньше срока, у меня аппарат заработал, и я быстро сделал из Олеси женщину. А через год и Аня родилась. Дети не мешали нам каждый год ездить на море, с собой их брали.

Что по перевороту... Это Хрущ, пока не успели всех его сторонников с постов убрать, и ударил. Как спецслужбы прогляпили подготовку, не знаю, но со стороны Хруща участвовали армейские части, что дислоцировались в Подмосковье. Тот почему-то решил, возьмет Москву, остальные области поднимут лапки, чего не вышло. До Гражданской войны, по

счастью, не дошло, но волнения еще полгода были, особенно в Азии, как задавили восстание. Хруща шлепнули, его жену тоже, там много кто по этапу пошел или вышку получил. Не удалось Хрущу взять власть, но и Брежнев не удержал ее. Во время переворота его тоже шлепнули, вместе с женой. Дочка инвалидом стала. Ногу потеряла. Там многих из людей Брежнева ликвидировали, пока те, кто устроил переворот, держали Москву, их люди охотились на них, как за бродячими собаками. Новым главой государства стал маршал Советского Союза Жуков. В шестьдесят девятом тот передал восстановленную страну подготовленному преемнику, тоже маршалу, и ушел на покой.

По мнению иностранцев, у нас генеральская хунта правит, но, как ни странно, уровень жизни заметно поднялся. Да, жители милитаризованной страны теперь жили немного по-другому, служба в армии или работа на Родину — это обязанность, прописанная в законе. Много военных, формы разной во круг, включая полувойсковую, армейцы правили, как привыкли, загоняя людей под это. Поэтому и был недоволен вербовщик, что его вежливо, но послали. Не побежал служить стране со слезами радости и писканием согласия, вот и мстил, как мог. Я тоже отомстил перед моей поездкой на юга, он очнулся, когда ему выкручивали руки сотрудники милиции. Соседи вызвали. Взяли за убийство собственной жены в пылу ссоры. Крик на весь многоквартирный дом стоял. А то, что хозяин квартиры в это время связан и без сознания лежал, никто не знал. Нечего лезть в мою жизнь, иначе я в вашу влезу. Что и показал на вербовщике. Нож в его руках, сам в брызгах крови, так что доказательств особо и не надо. Я после воз-

вращения с моря узнал, что там и как. Тот еще неделю назад по этапу пошел, шесть лет получил, отчего я вздохнул спокойнее. Задрал тот. Такое впечатление, что ему приказали обязательно вербануть меня, тот и выполнял с упорностью, что была вполне ему свойственна.

Вот такие дела. Почему я в детдоме задержался, то дело в жилье. Олеся тут ни при чем. Я ее пять лет английскому учу, неплохо освоила, и сейчас работает в Ленинской библиотеке, в иностранном отделе, переводчиком. Уже два года как. Я тут не помогал, Олеся сама. По благу устроилась, заведующая библиотекой — хорошая ее знакомая. Олеся работала в буфете при библиотеке, вторые блюда готовила на дому и привозила в буфет в судках, так и смогла пробиться на это место. Зато серьезно подтянула английский и грамотность. Я помогал с полгода, дальше не требовалось, уже все сама.

В принципе, все: жил, учился, работал, детей делал, на море ездил, вот что за эти пять лет было. Политика не интересовала, плевать на нее хотел, остальное меня вполне устраивало. Что по поводу моей задумчивости, то пока я Антона нес, сынишку, то опишу. Я снова одаренный, псион, и хранилище работает, маятник качается, увеличивая его. Уже пятьдесят кило накачало, помимо тех пяти тонн, что раньше при открытии было. Тут в чем дело? Пока мы возвращались в Москву, я лежал на заднем диване, Олеся за рулем, она неплохой водитель, дети рядом с ней на широком диване, я и размышлял. Тут в голову стрельнуло, даже удивился, почему раньше такое предположение не приходило в голову. Я работал с хранилищем, с изменением его, чтобы не потерять, что внутри при перерождении. И как-то

не задумывался, что такие изменения могут повлиять и на мой Дар псиона. Я пытался инициировать его привычно, в воде. Старый способ пробуждения Дара. А что, если нужно его инициировать по-другому? Сказано — сделано. Как вернулись, попробовал в реке, еще тепло, купались, хотя вода уже не летняя. А пока возвращались, я мысленно разработал три способа инициации. Основа одна, просто изменения в духовном плане, там есть свои нюансы. Первый способ не сработал, второй тоже мимо пролетел, а третий, даже неожиданно для меня, сработал. Со второй попытки. Каждый способ — по три попытки инициации. Ах, как хорошо себя псионом ощущать. Память в ауре, не потерял. Правда, изменения были. Что-то я накрутил. Пусть хранилище все такое же, пять тонн при изначальном его вызове, сейчас качается, напомним, но иллюзии стало легче проводить, это появилось, телекинез стал мощнее, как будто я стал сильнее. Полтонны на пределе поднимаю, хотя раньше не более ста пятидесяти кило было. Потом Взор. Всегда было три метра дальность, а тут семь с половиной метров. Каково? Вот и я порадовался. Лечение тоже чуть подросло. Уже проводил диагностику, наметив план лечения. В общем, из всего, что имею, только хранилище в минусе. Как было, так и осталось. А инициацию проводил утром, потом делами занялся. С того часа и качается размер хранилища. Вот такие дела.

Когда я подошел к деревянным воротам во двор, калитка уже была открыта. Аня и открыла. Сейчас та на крыльце торопливо скидывала сандалии, поспешая внутрь дома. Закрыв ворота, я занес Антона в сени, дальше тот сам потопал, и, сняв уличную обувь, надев тапки, — у Олеси пунктик по поводу та-

пок в доме, без них ходить запрещала, — и вот так тоже прошел. Вид Олеси мне не понравился. Та выглядела как-то виновато и обеспокоенно.

— Что случилось?

— Ты был прав, предупреждая. Сегодня меня вызвали к секретчику нашей библиотеки, там двое было, из КГБ. Ты их интересовал.

— Вот достали уже, — пробормотал я недовольно. — Шантажировали тем, что ребенок от несовершеннолетнего?

— Да, эту связь. Не выпускали, пока не подписала согласие работать на них.

— Теперь не отстанут, тут уже контора работает. Вот что, думаю, пора переезжать. В Штаты. Как ты?

— Ты же знаешь, это моя мечта.

— Договорились. Дом на меня перепишешь, черт с ней, с этой квартирой. Машину тоже. Дальше я перевезу тебя с детьми, обустрою и вернусь. Хочу в Союзе пожить. Вернусь к весне, когда призыв. Меня срочная служба будет ждать. Пока квартирантов пущу за время моего отсутствия. Договорились?

— Кхм, да.

Что по квартире, о которой я помянул, то да, по инициативе военных их стали выдавать выпускникам, что остаются в городе. А я на очереди. Встал, еще когда часовым мастером был. Почему бы и не получить квартиру законно, а не путем махинаций, за которые потом могут зацепиться. А теперь-то уж чего? Посетить Штаты я не прочь, меня чуть больше полгода не будет. Накачать хранилище смогу максимум тонн на двадцать, но скорее меньше. С пятью наличными будет двадцать две — двадцать три тонны. Хочу приобрести или украсть два кемпера. Автодома. Прицепы. Для юга и севера. Люблю жить

с комфортом. Еще место остается для техники, машин, вертолетов и разной пищи, запасы перед срочной службой, сладкого побольше. А дальше будем жить. Ну и вот так не медля, на следующий день, — хотя ночевать пришлось вернуться в детдом, это нужно, я не предупреждал, что не приду ночевать, а воспитателей подставлять не хочется, — и занялись делом. Паспорт у директора был, забрал, и начали оформлять. Прописался потом и въехал в дом. А через две недели мы исчезли из Москвы. В доме уже квартиранты обустроивались. Партийный, с семьей в столицу был переведен из Минска, а жить в квартире его жена не могла, ей свой участок подавай. Любительница парников и рассады. С Олесей сапоги одной пары.

Я лежал на сундуке — тут лежанка, и хрипло дышал, весь в поту был. Я умер. Я снова умер. Захлебнулся в бурной горной реке, что пересекал со своим нарядом, следуя за нарушителями. Поток сверху пошел стеной, когда мы на середине реки были, дожди там, верхушки не видно из-за туч, вот и создали его. И нас снесло с камней. Дальше ударился головой и понесло. Так и погиб старшина-пограничник Терентий Мальцев. А до дембеля каких-то две недели оставалось. Командиры уже полгода уговаривали — активно — на сверхсрочную, но я ни в какую. Военная служба не для меня. И так два года в сапогах бегаю. Вон, задержали на два месяца, раньше мог бы уйти, но командиры так решили. Это КГБ уже достало, я научился люто ненавидеть, и теперь это каса-

лось спецслужб Союза. Я должен был в мотострелки попасть, уже занес кое-что в военкомат одному сотруднику, в автобат направляли, а меня задержали на сутки и включили в команду пограничников. Дальше сержантская учебка и вот служба на афганской границе. Тут наши политики в десны их не целовали, войны не было, но контрабандисты только и шастали. Я так понял, после окончания службы должно было поступить новое предложение к ним идти. Уже обученный, пострелявший в боях с контрабандистами и даже раненый слегка. Два ордена Красной Звезды просто так не дают, а у меня были, да вот чем все закончилось. Олеся в Штатах, в Калифорнии жила. Свой дом в два этажа, машина, дело, пять кафе и ресторан у нее. Хранилище накачал до восьмидесяти девяти тонн. Заполнено на восемьдесят процентов. Я на службе, отпуск не дали, что было, тем и заполнял. Контрабандой. Впрочем, что там говорить, если ничего не сохранилось? Надежда была, но не вышло. Ладно хоть остальные параметры на прежнем уровне остались. Взор семь с половиной метров. Ох, как тот мне помогал схроны и нычки контрабандистов искать. Даже две от шпионов было. Накрыли сеть, я за это один из орденов получил. Второй за то, что взяли боевую группу диверсантов, в нашей форме. Там погоня на грузовиках была. Также за другие достижения на службе награжден медалями по охране государственной границы. Для пограничников они. У меня обеих степеней.

Теперь по тому, в кого я попал. Семилетний Терентий умирал от воспаления легких после простуды. И умер седьмого марта, и в этот же день в его теле очнулся я. Старшина Мальцев. Теперь уже бывший. Да, вы все правильно поняли, село Андреевское

в донских степях, тысяча девятьсот сорок шестой год, страна восстанавливается после разрухи, и я снова, во второй раз очнулся в теле мальчишки-калеки с поврежденной ногой. В теле Терентия Левши. Сам в шоке. Знаете, тут не будет отца-генерала, так и буду жить в селе. Пошел этот мудака куда подальше.

Что еще? В первый раз я три недели пластом пролежал, меня лечили, пока не появилось достаточно сил встать и забраться в бочку для инициации. Тут прошло десять дней, когда я ночью, держась за стенку, от слабости едва ходить мог, вышел на улицу, и с шестой попытки, сил не хватало, забрался в бочку, пробив ледок сверху. Вообще таяло, но март есть март, пусть и конец месяца. Тут на юге таять начинало раньше, чем на севере, понятно почему, но лед по ночам еще, бывало, покрывал коркой воду в бочке. Тем более эта ночь на удивление холодной была. Как по заказу в выбранную ночь подморозило, но я планы менять не стал. Саму воду использовали для скотины. Набирали в ведро, грели в печке и разливали по емкостям. А для меня каждый потерянный день — это в минус сто килограмм в хранилище. А когда нырнул, думал, и так слабое сердце окончательно встанет, и оно стояло где-то секунд двадцать, изрядно меня перепугав, но заработало. Впрочем, испуг не помешал мне сделать первую попытку инициации. Стандартный способ не помог. Дважды пробовал. Тогда третья попытка, попробовал тот, что инициировал Дар, когда Мальцевым был. Первая попытка — и есть, сработало, открыл Дар. А выбраться не смог, вода ледяная, и чую, еще немного и превращусь в ледяную статую, тогда я наплатил мышцы пси-маной и рывком выбрался. Я был голышом и, отряхнувшись, дохромал, а был без костыля, прыжками

до двери, проник в дом, сеней в доме не было, нужно будет построить, — и на кухню. Стоит отметить, что для экономии топлива отапливалась только одна комната в доме, общий зал, где была и моя лежанка. Кухня — нет. Вот так, пройдя кухню и открыв утепленную дверь, я прошел в общий зал. Ох, как тут тепло. Первым делом вытерся полотенцем, у умывальника висело, особенно мокрые волосы, потом надел штаны, подтопил печь вязанкой камыша и наконец забрался под одеяло. Остальные спали, сопели, так и не проснулись.

Меня била крупная дрожь, вскоре и пот выступил по телу. Похоже, ударная доза ледяной воды оказалась для меня, больного, но я медитировал и накапливал пси-ману. Вот так — полный источник, и провел диагностику легких и сердца, плюс верхней части тела, это все, на что хватило. А без диагностики что лечить? Мне откуда знать? А та показывает очаги, что нужно убрать. Снова полчаса медитации, и как набрал полный Дар маной, открыл хранилище. Пять тонн. Ничего не изменилось. Полчаса работы, и запустил маятник, тот начал качать хранилище, а я продолжал медитации, сидя на лежанке, завернувшись в одеяло, печку еще раз подтопил и занимался лечением. К утру купировал последствия ледяного купания, это все успехи. Так как я был больной, то утром меня покормили с ложки и разбежались, кто в школу, кто на работу. Подошла баба Нюра, сноха Марфы Андреевны, она днем с нами и сидела. А я лечился. За трое суток полностью вылечил воспаление легких, потом сердце. Слабое оно, усилил, как и легкое. На это все с лечением ушло девять дней. Потом время так и бежало, уже май наступил, расцвели бутоны на садовых деревьях,

что уцелели, — всего два, да и то изувеченные. Еще три саженца было посажено, ожили, но урожая долго ждать, не в этом году точно. Копался огород, я на солнышке днем отдыхал, не участвовал. А так, считай, выздоровел, поэтому числюсь работником, вот мне мелкую работу и поручали, за Ниной приглядывал, а я потихоньку лечил тело. Там хватало старых болезней, да одна нога чего стоит. Ею я пока не занимался. Та слабо ощущалась, как полено. Нервы повреждены, неудивительно. А так как более-менее ходить стал, с Глашей, старшей приемной дочкой Марфы Андреевны, сходил на речку. Ниже по течению, подальше от сетей братьев Трубиных. Та оставила меня с ведром и ушла, обещала подойти через пару часов. Сама Глаша еще училась, последний восьмой класс, но у нее «окно» было, урок отменили. Забежала на минуту домой, вот я ее и привлек, благо с Ниной баба Нюра сидела. После уроков придет, унесет улов, если он будет. Судя по иронии в голосе, та особо в это не верила. А я телекинезом выдергивал рыбу, дергал руками, как будто подсекаю, издали поди рассмотри, есть леска в руках или нет. Полное ведро. И с десятков довольно крупных. Глафира была сильно ошарашена, но ведро отнесла домой, там рыба разошлась по соседям, но и нам изрядно хватило.

Особо я ничего не менял, договорился с председателем о месте мастера по ремонту (найденную в реке медаль отдал) и о поездке в город. Прошел проверку, починив тому часы. Ныряя, достал оружие из реки. Сейчас я тело подлечил, не тот задохлик, как два месяца назад, когда очнулся в этом теле. Достал карабин Мосина, ППС и ДП. В прошлый раз он мне не достался. Вещмешок тоже достал. Что мне

не нужно — домой. У полузатопленного танка побывал, достал, что там было. От «кюбельвагена» до мотоциклов и мелочовки. Пистолет «ТТ». Так же и со школой. Проэкзаменовали и включили во второй класс, в третий с ними перейду. Да, схрон купца, что в стенке оврага был, отдал братьям Трубиным весь. Я сделал вид, что копался тут, те сами все достали, осмотрели и забрали. Обещали привести буренку, что хорошо молоко дает. А что, в шкатулке золото, серебро было, я не стал забирать. Марфе Андреевне за ужином правду сказал, так что через два дня та, довольная, получила буренку. Машкой назвали. Другая корова, а имя то же. Молодая, двухлетка. С коровой стало легче. Масло взбивали, сыры и творог готовили, даже что-то соседям давали. Экзамены пролетели, перешел в третий класс. И в тот же день, как и в первой жизни в теле Левши, мы с Глашей ехали в кузове «полуторки» на станцию. Железнодорожников хватало, не одни ехали. После дождей развезло, но ничего, было кому толкать. Дальше так же в будке машинистов паровоза доехали. Молодой все к Глаше клеился. А я у той на коленях сидел, взял и положил на грудь девушки ладонь, пошамкал ее дойку третьего размера, чтобы молодой парень видел, и показал тому язык. Глафира лишь улыбнулась и по лохмам потрепала. Да, надо будет постричься. А помощник машиниста смотрел таким взглядом, что тот явно мечтал оказаться на моем месте. Я еще и затылок сунул меж грудями, как на подушку. Снова язык показал.

Так до Москвы и добрались, тут тоже на полке в купе проводника. И та же старушка была, комнату сняли. У меня было тринадцать тонн накоплено в хранилище, и оно продолжало качаться, было куда

убирать. Первым делом в ванную. Сначала я, так как быстро, потом Глаша. Вот она на полчаса заняла. Долго лежала в теплой воде. Темнело, поэтому мы никуда не пошли. Как та уснула, ужинали своими запасами, остатки доели, я покинул квартиру, угнал ту же «эмку» и поехал к станции. Там все так же увел «полуторку», а это ГАЗ-ММ, потом ГАЗ-51 и автобус на базе «полуторки», с бордовым низом и желтым верхом. Я этими машинами пользовался в прошлой жизни, не нарадуюсь на них. Дальше на склад ГСМ, восстановил аккумулятор «кюбельвагена», сама машина в порядке, в селе привел в порядок и даже просушил, залил масло и бензин и завел. Завелась с пол-оборота. Так же и с остальными машинами. Заводил потом. Ключи сделаю позже, а заводил напрямую телекинезом. Ну, и на «эмке» вернулся обратно. Топлива побольше взял, не десять, а пятнадцать бочек бензина и две с дизтопливом, пять канистр масла, не бодяжного, и две канистры импортного, для амфибии. Полтонны свободного в запасе осталось. Только тогда вернулся в дом, где мы комнату на десять дней сняли, но подниматься не стал. А открыл и прошел в ту квартиру, шпионское гнездо. Забрал всю утварь и посуду, все запасы съестного и все из тайников. Остальное перед отъездом заберу. Тонна накопится, хватит места.

В остальном по-старому. Глашу приодел, и пока той подбирали комплект одежды, ну и Марфе Андреевне тоже, я по рядам пробежался, закупил все, что нужно. Кроме примуса — керогаз лучше, его купил. В принципе, было два больших изменения в этой поездке. Для начала я смог уговорить Глашу остаться в Москве, в медучилище — на медсестру общего профиля. Кому надо дал и подмазал, так что она

уже числилась в списках студентов. Пока продлили аренду комнаты, и как освободят общежитие, не все разъехались, та заселится. Я открыл счет в сберкассе и положил денег ей на жизнь. Глаша в прошлой жизни, моей жизни, сетовала как-то раз, что потом долго жалела, что не осталась в Москве, как я предлагал, поэтому и смог настоять, и она все же согласилась.

Второе изменение — это посещение нами посольства Германии, оно открылось, хотя там неполный штат сотрудников был. А посетили за сутки до отъезда. Билеты купили сразу, еще как приехали, в купе поезде. Глаша сопровождает, потом вернется в Москву. Председатель должен отпустить, как та покажет справку, что уже студентка медучилища. Я зашел в посольство, попросил позвать ответственного работника дежурного милиционера у входа. Тот вызвал работника посольства, и мы прошли внутрь. Причина посещения личная, я так и сказал.

— Причина, почему мы вас посетили, не в нас. Дело в том, что мы с Глафирой — приемные дети Марфы Андреевны Крапивиной, у которой родилась дочь от немецкого солдата, Нина. Родилась весной сорок четвертого. В сорок третьем у нашего села шли бои, я именно там пострадал с ногой. У Марфы Андреевны приключилась любовь с немецким фельдфебелем, чувства были обоюдными. Никакого насилия. Он погиб, похоронен у нашего села. От него осталась дочь. Марфа Андреевна не знает, что мы вас посетили. Просто у девочки, кроме нас, родственников нет, это не совсем правильно, и мы не знаем, остались ли родственники у фельдфебеля.

— Его данные? — с легким акцентом спросил польский, записывая за мной информацию.